



РУЦИНСКАЯ ИРИНА ИЛЬИНИЧНА
профессор

**МОНАСТЫРЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ
МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Со второй половины XIX в. в России начинается эпоха становления и развития массовой культуры. Ее органичной частью является туризм, предполагающий знакомство с территорией в рамках досуговых практик. Массовая культура, как известно, «присваивает» памятники истории и искусства, превращая их в объекты престижного потребления, в туристские достопримечательности. Данный процесс предполагает реинтерпретацию историко-культурных объектов и «обучение» туристов-неофитов новому способу их восприятия.

В наши дни эти задачи, помимо экскурсоводов и авторов путеводителей, выполняют средства массовой информации, Интернет, различные виды рекламы. При этом им приходится иметь дело с туристами, хорошо знающим «правила игры»: как себя вести во время туристической поездки, как бегло осматривать памятники, как фотографироваться на их фоне, как покупать сувениры и т.д. (Можно сказать, что данные правила усваиваются с раннего детства, их передают родители своим детям). Когда же речь идет об эпохе зарождения туристской индустрии, формирования туристского пространства и инфраструктуры, мы имеем дело с иными условиями. Во-первых, большинство путешественников еще не освоили новую социальную роль – роль туриста. Они демонстрировали непонимание, незнание того, что необходимо делать в поездке. Об этом с иронией писали журналисты, авторы первых путеводителей. А во-вторых, во второй половине XIX века существовало значительно меньше каналов трансляции туристской информации. Основную роль «проводника» и «учителя» брал на себя путеводитель. Данный книжный жанр, история которого насчитывала

несколько столетий, был «приспособлен» к туристским запросам, к логике существования туристской индустрии. Он стал репрезентировать новый вид социального пространства – туристское пространство.

Путеводители сразу же завоевали широкую популярность, к концу XIX столетия их писали и издавали почти в каждом губернском городе России. Бедекеры (так в XIX веке зачастую называли путеводители, используя в качестве нарицательного имя известного немецкого издателя, стоявшего у истоков жанра, Карла Бедекера) являются важным свидетельством того, как происходила реинтерпретация, перекодирование так называемых «мест памяти» в туристском пространстве.

Нас в данном случае будут интересовать конкретные локусы русской провинции – монастыри. На протяжении многих столетий они были вписаны в паломнические практики, выступали объектами религиозного поклонения. Способы их восприятия, особенности поведения в их стенах были возведены в ранг традиции и передавались от поколения к поколению. Со второй половины XIX века ситуация коренным образом изменилась, массовая культура стала предлагать «альтернативные способы» восприятия и поведения в монастыре.

Конечно, религиозный способ видения и постижения территории в пореформенную эпоху оставался гораздо более значимым, нежели туристский. Именно на рубеже XIX–XX вв. отмечается наивысший расцвет православного паломничества. Статистика, приведенная в книге А.В.Бабкина «Специальные виды туризма», впечатляет: в это время, например, в Дивеевский монастырь ежедневно приходило до трех тысяч паломников, а в Троице-Сергиев – пять тысяч [1: 252]. Такой приток верующих был характерен не только для общероссийских православных центров, в провинциальных храмах и монастырях, расположенных на большом отдалении от крупных городов, существовали свои паломнические святыни, о чем свидетельствовали, в том числе, путеводители: «В Николаевском монастыре (г. Верхотурье. – И.Р.) открыто почивают мощи св. Симеона

Праведного, для поклонения которым ежегодно стекается до 30 тыс. богомольцев» [5: 54]. Основную часть из них составляли крестьяне. Однако ритуалы паломнических поездок, традиции поклонения святыням, суеверия и предания по поводу многих святых или «плохих» мест жили не только в крестьянской среде, они сохраняли свою значимость среди городских сословий.

Конечно, появившийся туризм не разрушал данную практику и мировосприятие, ее инициировавшее. Он существовал рядом, параллельно с ней, постепенно занимая все больше места в жизни прежде всего образованной части российского общества. Внутри разных практик действовали свои нормы, правила, ритуалы поведения, и человек легко следовал любой из них, сообразуясь с обстоятельствами и целями поездки. На различных этапах своей жизни он мог выступать то паломником, то туристом.

Обе практики оказывали влияние друг на друга. Так, с одной стороны, возникли понятия «религиозный туризм», «паломническая индустрия», а с другой – туристская поездка не исключала выполнения православных ритуалов, поклонения святыням, лежавшим на пути следования. Более того, в бедкерах дореволюционной эпохи можно встретить, хоть и не часто, рассказы об особом культе того или иного святого, об особых службах, которые можно рассматривать как призыв присоединиться к ним.

Во многих местах тропы туристов и паломников пересекались. В данном случае нет подлинных свидетельств, но можно предположить, что «чистота жанра», ролевое поведение российского туриста, скорее всего, нарушалось: он вместе с паломниками прикладывался к чтимым иконам или реликвиям, молился, стоял на службах, насколько это позволял график туристской поездки.

Однако по мере развития туризма росло количество людей, для которых святыни все отчетливее отрывались от того пространства, для которого они были созданы.

Православные культовые постройки живут в тексте бедекера как бы вне своей функции. Конечно, эта функция подразумевается, но не проговаривается. Намного больше внимания уделяется профанным характеристикам объектов, обусловленным мирскими интересами. Они становятся главными, а порой и единственными причинами для посещения культовых объектов. Эти характеристики можно классифицировать следующим образом:

1. Историческая значимость объекта: «Зилантовский Успенский монастырь был основан Иваном Грозным на том месте, где была ставка царя. В 1559 году весенним разливом его разрушило и он был перенесен на вершину горы, где тоже была ставка царя» [6: 120].

2. Архитектурные, художественные достоинства: «Прилуцкий монастырь с большого расстояния производит очень сильное и своеобразное впечатление своими неприступными стенами и выглядывающими из-за них куполами собора и церквей». [4: 61].

3. Живописность местоположения: «Георгиевский монастырь стоит над самым обрывом, над морем. Спуск к морю идет сначала по лесенке, а затем по круто извивающейся тропинке. Спуск не легкий, но зато вид с морского берега очень хорош...Самый монастырь представляет в настоящее время очень мало интереса для туриста...» [2: 318].

4. Ценность материального, а не духовного плана: «Казанская Икона Богоматери письма древнего, греческого, имеет две драгоценные ризы, одна из чистого золота, украшенная 18 крупными бриллиантами и 412 драгоценными камнями; другая риза сплошь унизана жемчугом» [3: 53].

5. Успешная хозяйственная деятельность в современном пространстве региона: «Монастырь (святой Троицкий Николаевский монастырь в Приамурском крае. – И.Р.) – оплот православия и русской народности на Дальнем Востоке, глубоко чтимый местным населением. ... В районе монастыря, кроме храма, насчитывается 18 оштукатуренных, крытых железом зданий: братские кельи, больница, бесплатная школа для детей

окрестных селений, гостиница, трапезная, мастерские. В 1,5 верстах от монастыря – епархиальный свечной завод. При монастыре разведен сад с питомником, огород, пасека. В монастыре живет до 100 братьев. Для приезжающих по железной дороге богомольцев, в полутора верстах от станции выстроено монастырское подворье, с отдельными комнатами для интеллигентных посетителей» [8: 56].

6. Связь с выдающимися личностями: «Рядом с собором Успенский женский монастырь на месте прежних архиерейских палат, в которых жило несчастное потомство Ивана Алексеевича со своим отцом Антоном Ульрихом. Печальная судьба этого семейства следующая: Антон Ульрих, принц Брауншвейг-Люксембургский, русский генералиссимус, родной племянник принцессы Шарлоты, супруги царевича Алексей Петровича, был женат на Анне Леопольдовне...» [9: 20]

На сакральную значимость объекта обращали внимание лишь в особых случаях, например, когда рассказывали о том, что в соборе находятся мощи особо почитаемого святого или чудотворная икона: «Невдалеке от Тобольска находится село Абалакское, со своим мужским монастырем, в котором находится знаменитая и чтимая по всей Сибири чудотворная икона Абалакской Богоматери. Она написана в 1637 году по видению жившей на Абалакском погосте богобоязненной вдовицы Марии» [4: 33]; «Первый настоятель Успенского монастыря (в Свияжске. – И.Р.) – Герман, мощи которого – его главная святыня» [7: 37].

Однако, даже описывая особо почитаемые святыни, которые зачастую являлись предметом массового паломничества, авторы путеводителей сообщали не столько сведения о причинах истового поклонения, сколько любопытные факты: ««Чудотворная икона Богоматери Смоленской, именуемая Тумбовскою или Тотемскою. Тумбовскою она называется потому, что прежде стояла за престолом на тумбе. В некоторых святцах о Тотемской иконе говорится, что она помогает «женам чада родити». На этой иконе под правым оком лика Богоматери видна прошибина от стрелы» [9: 81].

Сакральное пространство – это место коммуникации с «сакральной инстанцией». Человек выступает активным участником ее, и все совершаемые действия должны давать ощущения соучастия в этой коммуникации. Именно поэтому в сакральном пространстве чрезвычайно важны тактильные действия (прикладывание к иконе, к мощам, целование креста, руки священника) и моторное восприятие (передвижения в храме, диктуемые ритуалом, ходом службы, поклоны). Эти действия выполняют посредническую функцию, символизируют приобщение к божественной благодати. Туристское пространство оставляет для посетителя только визуальный контакт, символизирующий отстранённость от происходящего: турист не участник, но наблюдатель.

Как известно, одно из основных качеств сакрального пространства – неоднородность. В.Н. Топоров указывал на отличия мифопоэтического восприятия пространства «от геометризованного, гомогенного, непрерывного, бесконечно делимого и равного самому себе в каждой его части» пространства, «постулированного физико-математической наукой» [10: 229].

В новое время неоднородность пространства сохраняется, но она теперь мыслится в других категориях: развитый–отсталый, цивилизованный–дикий, освоенный–неосвоенный. Поэтому отношение к этой неоднородности негативное. Позитивным, прогрессивным представляется стремление к ее преодолению. В.Н. Топоров характеризовал это стремление как, во-первых, «попытки материализовать пространство, овеществить его, овнешнить, усреднить (сделать его доступным простым способам измерения), оторвать от субъекта, познающего это пространство», а во-вторых, как установку «на покорение пространства (овладение им) и последующую его унификацию, устранение из него качественных различий» [10: 230].

Путеводитель, собственно, выполнял эти преобразования, но не в физическом, а в ментальном поле, отображая и тем самым распространяя новый взгляд на пространство, взгляд профанный, повседневный, мирской.

Список литературы:

1. Бабкин А.В. Специальные виды туризма: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2008.
2. Головкинский Н.А. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894.
3. Демьянов Г.П. Путеводитель по Волге: от Твери до Астрахани. Н.Новгород, 1898.
4. Долгоруков В.Л. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России. Томск, 1895.
5. Приуральский край. Уральск: Гусев и Ко, 1902.
6. Путеводитель по Волге между Нижним и Астраханью. Саратов, 1865.
7. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Белой и Вятке. Саратов, 1897.
8. Спутник по Сибири, Манжурии, Амуру и Уссурийскому краю. Владивосток, 1908.
9. Томский И.И. Путеводитель по Северу России. Сольвычегодск, 1920.
10. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.